

Пролог,

*в котором сделано предложение
вступить в брак*

Весна 1821 года

Синьорине Алессандри нездоровилось. В своей квартире на Ковент-Гарден она горячо и страстно молила по-итальянски о смерти.

— О, пожалуйста, мисс, говорите по-английски! — попросила горничная, подхватив распущенные тяжелые черные волосы госпожи. — Я не понимаю ни слова. Думаю, нам лучше позвать доктора.

— Глупости, — ответила синьорина, ухватившись за спинку кресла так, что побелели костяшки пальцев. — Во всем виновата рыба, которую подавали вчера у лорда Чесли.

Горничная поджала губы:

— Да, а что было вчера, мисс? Могу поспорить, что не рыба.

Вивиана прикрыла глаза, борясь с позывами тошноты.

— Помолчи, Люси. Не будем больше говорить об этом. Самое плохое уже позади.

— О, я в этом не уверена, — заметила служанка.

Вивиана ничего не ответила и подошла к тазику с водой.

— А где утренняя почта, per favore? — спросила она и начала умываться, неловко расплескивая воду.

Люси со вздохом направилась в гостиную и вернулась с подносом, на котором лежало одно письмо — судя по

хорошо узнаваемому неразборчивому почерку, от отца Вивианы, и сложенная вдвое записка без адреса.

— Это принес лакей мистера Хьюитта, — небрежно бросила горничная.

Вивиана закончила умываться и приложила полотенце к мокрому лицу. Горничная смотрела на нее встревоженным взглядом. Все эти долгие месяцы девушка проявляла преданность и доброту.

— Спасибо, Люси, — пробормотала Вивиана. — Почему бы тебе не выпить чашечку чая? А я почитаю письмо.

Люси стояла в нерешительности.

— Но разве вы не желаете, чтобы вам принесли воду для купания, мисс? — спросила она. — Уже полдень. Скоро придет мистер Хьюитт, не так ли?

Куин. Конечно, Люси права. Вивиана отложила полотенце и взяла записку. Куин обычно приходил к ней вскоре после полудня. Да, так он собирался сделать и сегодня. О, как она ждала его прихода и в то же время боялась!

Вивиана кинула записку в огонь. Она заметила свирепые взгляды, которые Куин бросал в ее сторону в гостиной театра после вчерашнего представления. Театр был полон. Вивиана пела божественно, каждая высокая нота в ее последней арии звучала кристально чисто и проникновенно. Затем она закончила мизансцену, упав без сознания в объятия своего возлюбленного. Раздались оглушительные аплодисменты.

Но Куин, казалось, замечал только то, что происходило после спектакля. Compliments и поздравления ее поклонников. Тосты и шампанское. Тонкие интимные намеки, которые так же тонко отвергались Вивианой. Но такой отказ не удовлетворял Куина. Нельзя было не заметить его вызывающую манеру и мрачную усмешку, когда он, сжимая в руке бокал с бренди, расхаживал по протертому зеленому ковру. Его дяде, лорду Чесли, даже хватило храбрости посмеяться над ним.

Куину это не понравилось. И особенно он был недоволен тем, что Вивиана, как это часто случалось и раньше, уходила, опираясь на руку Чесли. И сегодня Куин явно собирался устроить из-за этого скандал. Вивиана не была уверена, что у нее хватит духа противостоять ему. Но теперь это уже не имело большого значения.

— Мисс? — окликнула ее горничная. — Вода для ванны?

Тошнота снова подступила к горлу.

— Минут через десять, Люси. Пока мой желудок не успокоится, я читаю папино письмо. Если не успею, то приму мистера Хьюитта здесь.

Люси снова поджала губы:

— На вашем месте, мисс, я бы сразу сказала ему об этой испорченной рыбе.

Вивиана рассмеялась.

Но мимолетное веселье покинуло ее, когда она развернула письмо от отца. Даже запах его бумаги глубоко волновал ее. Она знала этот ящик в его столе, откуда была взята бумага: в ящичке отец хранил свой табак. А его почерк! Широкие размашистые строчки всегда напоминали Вивиане о его неутомимой силе, аккуратные петельки и росчерки — о его мудрости и пунктуальности, а поэтические слова — о артистизме. Отец Вивианы был одним из самых известных в Европе композиторов.

Она снова вдохнула запах, затем расправила письмо на коленях и пробежала глазами. Не поверив в то, что там было написано, Вивиана еще раз очень внимательно перечитала письмо. Чесли, по-видимому, обо всем извещал своего старого друга. Отец уже знал, что сегодня у Вивианы последнее представление «Похищения» и что весь лондонский Уэст-Энд повергнут к ее ногам. Наконец ее выступление в роли Констанции обернулось долгожданным триумфом.

И вот теперь отец писал, что она, Вивиана, может вернуться домой. Вивиана закрыла глаза и задумалась. Боже,

какое странное совпадение судьбы и времени! Кажется, прошла целая вечность с той поры, когда она, гонимая страхом, со скрипкой и нотными листами, бежала из Венеции. И теперь вернуться! О, ради этого она и жила и об этом мечтала все время, кроме тех мгновений, что прошли в объятиях Куина. Он оказался для Вивианы истинным спасением.

А теперь она могла вернуться домой. То, что ей предлагалось, немного напоминало сделку с дьяволом. Конечно, не этого она хотела. Тем не менее, как писал отец, в этом были определенные преимущества. Большие преимущества. Ее возвращение неизмеримо облегчило бы жизнь отца, хотя он скорее умрет, чем признается в этом.

Решение предстояло принимать ей. «Не будет никакого принуждения». Вивиана могла поспорить, что эти слова не принадлежат отцу. Очевидно, граф Бергонци изменил тактику. Более того, по осторожным словам отца Вивиана поняла, что он убежден: она отвергнет предложение Бергонци, и он простит ее, если она так поступит. Вивиана положила руку на живот. Она далеко не была уверена, что может позволить себе такую роскошь, как отказ графу.

Принесенная вода оказалась горячей и чрезвычайно приятной. Вивиана наслаждалась ванной, когда в комнату тихо вошел Куин. Он выглядел рассерженным.

Взглянув на обнаженную Вивиану, он натянуто улыбнулся:

— Смываешь улики, Виви?

— Помолчи, Куинтин, — ответила Вивиана, устремив на него взгляд своих черных глаз. — Мне было вполне достаточно твоей ревности вчера. Веди себя пристойно или уходи.

Куинтин опустился на колени возле ванны и оперся о ее край. Сегодня у него был тусклый взгляд. От него пахло бренди, табаком и еще чем-то малоприятным. Похоже, он провел беспокойную ночь.

— Ты этого хочешь, Вивиана? — шепотом спросил Куинтин. — Ты прогоняешь меня?

Она выронила мыло.

— Как, Куин? — Вивиана выронила мыло, от огорчения всплеснув руками. — Mio Dio, разве я прогоняю тебя? Нет, и это правда, si?

Куинтин отвел глаза. Похоже, он не верил ей.

— Говорят, лорд Лотон обещал тебе дом в Мейфэре и денег больше, чем я могу вообразить. Во всяком случае, пока не получу титул. Это правда, Виви?

Вивиана покачала головой:

— Куин, какое это имеет значение, даже если и правда? Я больше не продаюсь — возможно, даже тебе. Почему ты должен так ревновать?

— Как я могу не ревновать, Вивиана? — с досадой проговорил Куинтин, касаясь пальцем ее соска. — Куда бы ты ни пошла, мужчины пожирают тебя глазами. Но ты по крайней мере еще хочешь меня.

Вивиана сердито посмотрела на Куинтина, но не оттолкнула его руку.

— Мое тело хочет тебя, это так, — призналась она. — Но иногда, amoге mio, мой ум не хочет.

— А твое сердце, Вивиана? — прошептал Куин, глядя на Вивиану из-под черных как уголь ресниц. — Я предусмотрительно спрятал твое тело в этой квартире, за которую заплатил. Владею ли я и твоим сердцем?

— У меня нет сердца! — резко ответила Вивиана. — Это сказал мне ты, если помнишь, на прошлой неделе, когда мы ссорились. И не надо напоминать мне, Куин, кому принадлежит крыша над моей головой. Я стала вспоминать об этом при каждом вдохе.

Желая помучить ее, Куинтин наклонился и повернул голову так, что смог дотянуться губами до соска Вивианы. Она сидела не шелохнувшись, позволяя ему втянуть сосок в рот и зажать зубами. Желание тут же охватило Вивиану. Ей вдруг стало трудно дышать.

Куинтин поднял голову и удовлетворенно улыбнулся.

— Куда ты ездила прошлым вечером, любовь моя? — спросил он.

Вивиана с вызовом посмотрела на него:

— К Чесли, в его дом. Мы обедали с лордом и леди Ротерс и с их знакомыми, которых они привезли из Парижа.

— А все они, не сомневаюсь, покровители искусств, — насмешливым тоном заключил Куинтин. — Тесный кружок моего дяди!

— Почему ты так часто плохо о нем думаешь? Он добр ко мне, не более того.

— Мой дядя — прекрасный человек. Это его друзьям я не доверяю. Между прочим, моя милая, что это у тебя вот здесь, под скулой? Синяк? Или что-то еще?

Взгляд Куинтина помрачнел, когда он пальцем провел по шее Вивианы.

— Здесь ничего нет, — отрезала она. Ей не надо было и смотреть. Куин пытался добиться от нее признания какой-нибудь ее вины. — Ничего нет, и ничего не было, Куин, — продолжала Вивиана. — Чесли — друг моего отца. В Лондоне он мой наставник и относится ко мне как к своей подопечной. Сколько раз надо возвращаться к этому глупому спору?

Куинтин отвел глаза:

— Я ничего не могу с собой поделаться, Вивиана. Ты... ты сводишь меня с ума. Чесли водятся с распущенными людьми. Мне невыносимо видеть, как эти мужчины глядят на тебя.

— А как, скажи, я могу избежать этого? Что ты от меня хочешь, Куин? Чтобы я отказалась от карьеры? Ушла в монастырь? Видит Бог, я певица и мне нужна публика.

Вивиана быстрым движением подобрала с пола полотенце и оттолкнула Куина.

— Я... я мог бы платить тебе. Сейчас немного, а потом — рано или поздно — намного больше. Тогда тебе совсем не надо будет петь.

Вивиана с изумлением посмотрела на Куина:

— Иногда я думаю, что ты не понимаешь меня. Я должна петь. Это не связано с деньгами.

Куин смотрел, как Вивиана встала, чтобы вытереться. Она и не пыталась прикрыть свою наготу от его пылающего взора. Ведь она принадлежала ему. Он купил ее и оплачивал ее расходы. И она позволяла ему делать это, хотя сначала сопротивлялась с яростью тигрицы.

— Ложись в постель, Вивиана, — скомандовал Куин, когда она закончила вытираться. — Раздвинь ноги. Я хочу тебя.

Вивиане хотелось отказать, но она тоже хотела Куина, несмотря на его отношение к ней. Ревность и взаимные обиды разъедали их сердца. Куин был слишком молод. Слишком неопытен. А она, Вивиана, просто слишком одинока. Теперь они лишь использовали друг друга. Понимал ли это Куин?

Она-то понимала. Но все равно жаждала наслаждения и удовлетворения, которое ей могло дать его сильное молодое тело. Вивиана жаждала его. И она помнила время, совсем недавно ушедшее время, когда они боготворили друг друга и вместе переживали радости и восторги первой любви.

— Ложись в постель, — повторил Куин. — Ты моя любовница, Вивиана. У меня есть право.

И это тоже было правдой. Вивиана отбросила полотенце, откинула простыни и легла.

Куин сбросил с себя одежду с ловкостью человека, привыкшего к тому, что его потребности и капризы всегда удовлетворялись. Он уже возбудился и был полностью готов. Как обычно.

Отшвырнув в сторону бежевые панталоны, он торопливо забрался на кровать и сразу же навалился на Вивиану. Она тихо ахнула и выгнулась навстречу.

— Ты принадлежишь мне, Вивиана, — шептал Куин, со всей силой входя в нее. — Никогда не забывай об этом.

Вивиана не принадлежала ему, но не стала спорить, а только приподняла бедра, чтобы острее чувствовать его внутри себя.

Куин схватил ее за руки и завел их вверх над головой. Он держал их так все время, пока они пререкались друг с другом.

Вивиана уже чувствовала, как напрягается тело Куина, и ее тоже, несмотря на боль, которую он причинял ей. Что она за женщина, чтобы хотеть этого и цепляться за это?

Куин как будто прочитал ее мысли.

— Ты моя, Вивиана! — прорычал он, заглянув Вивиане в глаза. Он все еще держал ее руки высоко над ее головой. — Ты моя, черт побери, и только моя. Скажи это.

Вивиана отвернулась и прошептала:

— Я твоя.

— Смотри на меня, Вивиана, — потребовал Куин, ускоряя свои движения. — Смотри на меня, когда я делаю с тобой это. Иногда я думаю, что ты хочешь разбить мое сердце. Скажи еще раз. Ты моя, и принадлежишь только мне!

Вивиана ответила возмущенным взглядом.

— Я принадлежу себе, Куин, — тихо сказала она дрожащим голосом. — Я принадлежу только себе. Но я захотела быть с тобой. В этом есть разница.

Но Куин, казалось, не слышал ее слов. Он закрыл глаза, черты его лица заострились, он все яростнее вонзался в Вивиану. Она чувствовала, как против ее воли плоть настойчиво и жадно требует удовлетворения. О боже, у Куина на это такой талант! Вивиана хотела забыться в этом чисто физическом акте, хотела не ощущать ничего, кроме слияния их тел.

Куин чувствовал это, и это еще сильнее разжигало его. По крайней мере в этом он понимал ее.

— Si, saço mio, — простонала Вивиана. — Ах да! Вот так.

Пот выступил у Куина на лбу. Лицо было напряжено.

— Господи, Виви! — воскликнул он. — О господи, я обожаю тебя!

Вивиана освободила руки и, задыхаясь, ухватилась за Куина. Вот наконец последний момент сладкого завершения. Она вскрикнула, содрогнувшись всем телом. Наслаждение переполняло ее, затмевая рассудок.

Куин, тяжело дыша, упал на нее, вдавливая в мягкую постель. Вивиана провела рукой по его мускулистой спине и почувствовала, как слезы подступили к глазам.

— О, amoге mio, — тихо произнесла она. — О, ti amo, Куин! Ti amo.

И в эту минуту она действительно любила его. Любила всем сердцем, хотя никогда не позволяла себе сказать эти слова — ни на одном из языков, который Куин мог бы понять. Умиротворенная и обессиленная, Вивиана лежала и слушала его дыхание. Она сделала для себя открытие: самое простое из удовольствий — это лежать в объятиях красивого мужчины... нет, этого мужчины... насытившись и счастливого, и просто слушать.

Но конечно, спокойствие было непродолжительным. Вскоре они снова ссорились из-за событий прошлого вечера. Видимо, Куин заметил каждого мужчину, который всего лишь поцеловал Вивиане руку или принес бокал шампанского. Это было глупое ребячество, на которое еще повлияла возрастающая слава Вивианы, и она не щадила Куина. Она не могла больше терпеть и сказала ему об этом.

Куин воспринял ее слова с возмущением.

— Господи, как я ненавижу то, что мы вынуждены так жить! — воскликнул он. — Я имею право защищать тебя. Я имею право, Вивиана, показать всему свету, что ты принадлежишь мне.

— Куин, amoге mio, мы обсуждали это тысячу раз, — прошептала Вивиана. — Такое известие убило бы моего отца. Не для того он всем пожертвовал, отправив меня в Англию, чтобы я стала любовницей богатого человека.

Действительно, отец отправил Вивиану с совершенно другой целью. Но она не видела смысла говорить об этом Куину. Он бы еще больше рассердился.

— Синьора Алессандри не беспокоит, что его дочь окружает эта безнравственная театральная толпа? — с сарказмом спросил Куин. — Ему безразлично, чьи глаза раздевают тебя? А лорд Ротерс! Боже мой, Виви! За его покровительство надо платить. Он переспал с половиной актрис Уэст-Энда.

— Но со мной он не спал, — возразила Вивиана. — И не будет. И не желает этого. Господи, Куин, он же там был с женой. Что, ты думаешь, там происходило? Любовь втроем на обеденном столе Чесли?

Куин поджал губы:

— Да, продолжай. Превращай все в шутку, Вивиана. Смейся надо мной.

Вивиана положила руку ему на грудь:

— О, саго mio, ты так молод!

— Черт побери, Виви, я ненавижу, когда ты это говоришь! — вспыхнул Куин. — Перестань вести себя так, словно я какой-то глупый щенок. Мне уже почти двадцать один год.

— Да, и мы с самого начала договорились, Куин...

— Да знаю я, черт побери! — Куин схватил Вивиану за руку и с силой сжал ее. — Я знаю. Я сдержу свое слово, Вивиана. Но мне чертовски это не нравится.

В спальне на время наступила гнетущая тишина, которую нарушал лишь шум, доносившийся с улицы. Затем Вивиана перевернулась на живот и оперлась на локоть, чтобы смотреть на Куина.

Как он красив, этот полумужчина-полумальчик, которого она полюбила с такой безудержной страстью. Вивиана вдруг совершенно неожиданно для самой себя поняла, что, вопреки всему, не в силах потерять Куина. Даже после всех этих обидных слов она не могла себе представить жизнь без него. Но существовала ли хоть какая-то надежда? Вивиана молилась об этом, и не только за себя.

— Куин, саго mio, скажи мне кое-что. Как ты собираешься жить дальше? — спросила Вивиана.

Куин поднял голову с подушки и с удивлением посмотрел на нее:

— Что ты имеешь в виду, Виви?

Вивиана слегка пожала плечами:

— Сама не знаю. Ты никогда не думал... скажем, уехать куда-нибудь? Я имею в виду за границу?

— За границу? — удивился Куин. — Господи, куда же?

— В Европу. В Венецию или Рим, может быть?

— Какого черта надо уезжать из Англии? — рассмеялся Куин.

Вивиана почувствовала, что начинает сердиться.

— Может быть, потому, что несложно задохнуться в этом высоконравственном месте?

— Виви, здесь мой дом, — ответил Куин и погладил Вивиану по голове. — Давай больше не будем говорить, что кто-то куда-то поедет, ладно?

— Но как же твое будущее, Куин? — настаивала Вивиана. — Как ты намереваешься распорядиться своей жизнью?

— Буду жить, полагаю. А что же еще делать?

— Но ты никогда не думал, что мы могли бы... — Вивиана осеклась на полуслове, затем сглотнула и добавила: — Куин, ты когда-нибудь думал о браке?

Куин широко раскрыл от удивления глаза:

— Господи! С тобой?

Вивиана отвела взгляд.

— С... с кем-нибудь, кого ты обожаешь, — только и смогла она выдать. — С... да, со мной.

— О, Виви! — прошептал Куин. — О, если бы в жизни все было так просто!

Вивиана ясно сознавала, какой удар будет нанесен ее гордости, но продолжала:

— Возможно, это на самом деле так просто, Куин. Ты говоришь, что не можешь жить без меня. Что тебе хочется объявить меня своей. Я спрашиваю: как сильно тебе этого хочется?

— Так вот из-за чего все эти колебания? Ты требуешь брака? О, Вивиана! Ты знала, что я не могу жениться на тебе, с самого начала наших отношений. Разве не знала?

Вивиана покачала головой:

— Я не требую, Куин. Это не так.

— Ради бога, Вивиана, я наследник графского титула, — продолжал он. — Неужели ты не понимаешь, к чему это обязывает? Когда я должен буду наконец жениться, надеюсь, это произойдет по крайней мере лет через десять, мама женит меня на какой-нибудь бледной светловолосой английской мисс, папаша которой имеет множество титулов и пятьдесят тысяч фунтов в трехпроцентных бумагах, и моим мнением никто не будет интересоваться.

Вивиана прищурила глаза:

— О! Так я слишком стара, слишком иностранка и слишком незнатна для великой династии Хьюитт? Не так ли?

— Послушай, Виви, — проворчал Куин, садясь. — Я этого не говорил.

— Думаю, тебе и не надо говорить! — Вивиана, чувствуя новый приступ тошноты, ударила кулаком по постели. И зачем только она заговорила об этом? Куин прав: она всегда знала, что наступит конец, — но раз спросила, теперь отступить было некуда. — Через несколько недель, Куин, ты станешь совершеннолетним, — проговорила Вивиана дрожащим от гнева голосом. — Тогда ты будешь выбирать сам, на ком жениться. И не смей притворяться, что это не так.

— Ах, Виви! — капризно скривился он. — У нас впереди целая жизнь! Я долго еще ни на ком не женюсь. Зачем портить то, что имеем?

Вивиана криво усмехнулась:

— Si, неприятное дело это будущее, не правда ли?

Куин не заметил ее сарказма.

— Вот, моя девочка, — сказал он, целуя ее. — Посмотри, Виви, я что-то принес. Это поднимет тебе настроение.

Куин слез с постели и, пошарив в карманах, вернулся с маленькой коробочкой.

— Открой, — велел он.

Вивиана подняла крышку и ахнула. В коробочке лежало кольцо — широкая с искусным орнаментом полоска золота со вставленным в нее одним большим рубином квадратной формы. Это действительно было великолепное ювелирное изделие. Но Вивиане захотелось вернуть его Куину. Почему он так настойчиво засыпает ее подарками? То, что ей нужно, нельзя купить за его деньги, а это кольцо наверняка обошлось Куину намного дороже, чем он мог себе позволить.

Куин оттолкнул от себя коробочку, когда Вивиана протянула ее ему.

— Надень его, Виви, — настойчиво попросил он. — Надень, но обещай мне одну вещь.

Вивиана неохотно надела кольцо на правую руку.

— Я... да, я постараюсь.

— Обещай, что ты сохранишь его. Обещай, что никогда не продашь его и время от времени будешь надевать и думать обо мне.

Вивиана смотрела на кольцо и едва сдерживала слезы горечи и обиды.

— Я никогда не перестану думать о тебе, Куин, — прошептала она.

— Как и я не перестану думать о тебе, Виви, — эхом отозвался Куин. Однако в его взгляде читалось явное недоверие. — Так когда тебе надо быть в театре?

— В шесть, — равнодушным тоном ответила Вивиана.

— Да, и мне надо скоро уходить, — продолжил он. — Мы теряем драгоценное время, когда могли бы доставить друг другу удовольствие. Я бы мог сказать тебе, Вивиана, что ты самое прекрасное создание на этой земле. Что от твоих глаз у меня перехватывает дыхание, а от вида твоей груди останавливается сердце. Ложись, моя дорогая, и давай снова займемся любовью.